

DOI 10.20310/2587-9340-2019-3-11-281-295

УДК 342.2

ФОРМА ПРАВЛЕНИЯ В ТРАКТОВКЕ РУССКИХ ДОРЕВОЛЮЦИОННЫХ ЮРИСТОВ

Л.А. Морозова

Российский государственный университет правосудия
117418, Российская Федерация, г. Москва, ул. Новочеремушкинская, 69
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1732-0161>, e-mail: tgp@rsuj.ru

Аннотация. Рассмотрены взгляды российских ученых (И.А. Ильин, Н.М. Коркунов, Н.И. Лазаревский, И.Л. Солоневич, Л.А. Тихомиров) относительно формы проявления в России в конце XIX – начале XX века и перспектив ее развития. Автор констатирует наличие заслуг дореволюционных юристов в создании классификации форм правления и в обосновании черт различия между монархической и республиканской формами правления, что современным теоретикам не удалось осуществить в полной мере. В дореволюционной юриспруденции не было единства мнений о форме правления, установившейся в России после Манифеста от 17 октября 1905 г. Исследователи разделились на две группы: одну из них составили ученые, которые считали государственный строй «исконным русским государственным порядком», но лишь обновленным. По мнению другой группы, Россия стала конституционной монархией. И.Л. Солоневич и И.А. Ильин высказывали прогнозы о непременном крушении коммунистического режима, поэтому их мысли были обращены к тому народу, который останется на развалинах СССР и которому придется начать новое государственное строительство. При этом они исходили из того, что русскому народу присуще чувство порядка, устойчивости, державности. Подчеркнуто, что все анализируемые точки зрения ученых уделяли большое внимание разграничению понятий абсолютной и самодержавной монархии, доказывая, что абсолютистский произвол и самодержавие – не одно и то же.

Ключевые слова: форма правления; монархия; республика; государственность; русское самодержавие; государственное устройство

Практически все дореволюционные юристы уделяли внимание исследованию российской национальной государственности, отмечая позитивные черты ее развития и высказывая одновременно отрицательные прогнозы относительно судьбы монархического строя России. При этом они определяли факторы, влияющие на это развитие, и условия

сохранения самобытности государственно-правовой жизни русского народа, сыгравшего большую роль в судьбах человечества.

Конечно, наиболее яркие представители дореволюционной мысли были по своим политическим убеждениям монархистами, поскольку Россия на протяжении одиннадцати веков обладала монархической формой правления и другой формы просто не знала. Тем не менее, анализ взглядов выдающихся юристов прошлого на организацию государственной жизни России позволяет сделать вывод о важности изучения государственно-правовых явлений с национальной точки зрения независимо от того, по какому пути пошло развитие государственности России и пойдет в будущем. Таким образом, следует подчеркнуть безусловную ценность научного осмысления теоретико-правового наследия русских дореволюционных юристов и философов о национально-исторических корнях российского государства, которое, как отмечают исследователи, представляло собой величайшую империю, по возрасту равную Римской, по территории занимавшую одну шестую часть мира и уникальную по истории и культуре.

Необходимо также подчеркнуть, что проблемы государственного устройства, выбора формы организации государственной власти, в том числе формы правления, всегда были и остаются актуальными для каждого народа. Это отметил в свое время талантливый русский мыслитель И.А. Ильин [1, с. 30].

Современные исследователи видят заслуги дореволюционных юристов в создании классификации форм правления, а также в четком обосновании черт различия между монархической и республиканской формами правления, что современным теоретикам не удалось осуществить в полной мере. Н.М. Коркунов, отмечая, что классификации форм правления периодически менялись и, объясняя причины и условия многообразия классификаций, выделял четыре главных этапа в зависимости от превалирования тех или иных политических взглядов в обществе [2].

Первый этап он связывал с именами Аристотеля и Полибия и полагал, что главным критерием выделения форм правления является критерий – **на чье благо направлено осуществление государственной власти**. Как известно, Аристотель называл 6 форм: 3 правильные (монархия, аристократия и полиция) и 3 неправильные (тирания, олигархия и демократия). Полибий, как следует из курса Истории политических и правовых учений, впервые разработал учение о **смешанной форме правления**, исходя из того, что любая форма правления склон-

на к искажению, и имея в виду их постоянную смену: монархия вырождается в тиранию, та сменяется аристократией, которая вырождается в олигархию, а она, в свою очередь, уступает место демократии, превращающейся в охлократию, сменяемую снова монархией.

Второй этап Н.М. Коркунов связывал со средневековой политической мыслью, которая не создала новых идей, но сделала важный шаг в решении вопроса о соотношении государства и церкви, подорвав античное представление о всемогуществе государства.

На **третьем этапе** государству стала противопоставляться личность. Это выразилось в обеспечении личной свободы и ограничении в ее интересах государственной власти. В основу классификации форм правления был положен критерий – отношение государства к личности. В демократии и аристократии граждане или их часть участвуют в осуществлении государственной власти, следовательно, эти формы не имеют «неправильной» пары.

Четвертый этап, по Н.М. Коркунову, охватывает середину XIX века. В это время вопрос о соотношении государства и личности отступает на второй план и сменяется вопросом об отношении государства к обществу. Ярким представителем этого этапа Н.М. Коркунов считал Лоренца фон Штейна с его теорией надклассовой монархии, основанной на учении об экономической зависимости имущих от неимущих и необходимости поставить носителя государственной власти выше всех общественных сил.

Но, несмотря на различия в критериях указанной классификации, в ней неизменно присутствуют монархия и республика. Именно в их различии, отмечал Н.М. Коркунов, следует искать принципиальные разграничения форм правления. Их он видел в том, что в монархии «функция представлять государство как целое основана **на собственном праве** безответственного лица, то есть монарха. Республика, напротив, характеризуется тем, что эта функция осуществляется **по поручению народа** ответственными учреждениями» [2, с. 113].

Таким образом, ученый главное отличие монархии от республики усматривал в **источнике власти**, а не в ее выборности, ограниченности, сроке полномочий, в зависимости от избирателей и т. д. Это мнение разделялось и другими учеными, например, Н.И. Лазаревским [3, с. 57].

Этим фактором Н.М. Коркунов объясняет и такое явление, что некоторые юридические нормы, определяющие государственный порядок, приобретают характер **норм, лишенных санкций**, так как опира-

ются в своем действии только на религиозные, нравственные, бытовые основания, но не на юридические. В республиках же, считал ученый, правовые нормы санкционированы, поскольку приняты органами, несущими ответственность перед теми, кто делегировал им соответствующие полномочия. Монарху никто **не делегировал полномочий**, он правит по собственному праву, поэтому некоторые нормы в монархиях лишены санкций.

Что касается власти народа в республиках, где сувереном является именно он, то если норма создается представительным органом, то с юридической точки зрения такая норма опирается на полномочия парламента, делегированные народом, следовательно, она не лишена санкции. Но если норма права принята народом на референдуме, то есть при непосредственном осуществлении народом своей власти, то у нее, как и у монарха, нет строгих юридических оснований. Как отмечал известный русский философ и публицист Л.А. Тихомиров, автор фундаментального труда «Монархическая государственность» (1904 г.), здесь мы невольно заходим «в области уже спорные» [4, с. 24]. Иными словами, пытаясь разграничить монархическое и республиканское правление, мы перечисляем немало отличительных признаков, но при ближайшем рассмотрении они не являются ни исчерпывающими, ни бесспорными.

Н.И. Лазаревский называл три отличия монархии от республики: монарх имеет бессрочные (пожизненные) полномочия, ему присуща безответственность, и законы, изменяющие права монарха, не могут быть изданы без его согласия. Но и он признавал их не абсолютность, так как некоторые президенты в то время могли быть привлечены к ответственности (например, во Французской республике), и монархи, как правило, обладали абсолютным вето на законы. Исключение составляла Норвегия, но и там конституционные законы нуждались в королевском утверждении.

Дореволюционные государствоведы уделяли серьезное внимание классификации форм правления. Н.М. Коркунов, в частности, выделял монархию вечевую, сословную и представительную. Последнюю он подразделял по объему власти парламента на дуалистическую и парламентарную. Последний критерий заимствован из западной юридической литературы XIX века. Однако вопрос сугубо российский: куда отнести русскую самодержавную власть – практически до наших времен остается дискуссионным.

Российские государственоведы всегда подчеркивали оригинальность русской монархии, но общепризнанного представления о самодержавии не выработали [5, с. 121, 132]. Невозможно проводить параллели между соборами в России и парламентом, например, в Англии. Как отмечал Н.А. Захаров, «идея, которая сложилась в основании земских соборов, была не народное представительство, не ограничение власти, но необходимость прийти на помощь царю в трудную минуту государственной жизни». Как действительно, продолжал он, «было бы возможно, чтобы служилый человек, верстаный поместьем для царской службы, являлся в Москву из своего уезда с мыслью об ограничении царя?». В России «весь высший класс состоял из лиц, непосредственно избранных царем, и экономически зависел от государя, который имел неограниченное право отбирать земли у тех, кто неправильно и неисправно нес свои обязанности» [5, с. 47-48].

Именно в «различиях поземельных отношений и состояли отличия королевской власти на Западе, основанной на феодальном строе, и власти русского царя, выросшей на почве частноправовых отношений» [5, с. 48-49].

И.Л. Солоневич предлагал монархию периода созыва земских соборов именовать соборной монархией, а от термина «неограниченная монархия» вообще отказаться, так как таких монархий, по его мнению, не бывает [6, с. 99]. Обращаясь к изменениям формы правления в России в XX веке, отметим, что начало такого изменения было положено Манифестом от 17 октября 1905 г. «Об усовершенствовании государственного порядка». Он вводил в систему органов государственной власти новый представительный и законодательный орган – Государственную думу, без одобрения которой не мог приниматься ни один закон. 23 апреля 1906 г. была издана новая редакция Основных государственных законов Российской империи, которую в современной литературе называют первой русской конституцией. Несмотря на спорность данного утверждения, нельзя не отметить, что новая редакция вводила общественно-политическую и государственную жизнь России в новое правовое пространство [7, с. 29]. Вопрос о том, какая форма правления установилась в России после Манифеста, в дореволюционной юриспруденции был спорным. Исследователи разделились на **две группы**: одну из них составили ученые, которые считали государственный строй «исконным русским государственным порядком», но лишь обновленным. По мнению другой группы, Россия стала консти-

туционной монархий. Н.И. Лазаревский считал новую редакцию Основных законов переходом к конституционной монархии [3, с. 60].

В.П. Гессен также видел в изменении Основных государственных законов отчетливо выраженное конституционное начало [8, с. 62]. По мнению А.С. Алексеева, Манифест привел к крушению самодержавного строя [9, с. 26].

Но были и другие мнения. Так, В.В. Ивановский определял новую редакцию Основных законов как октроированную самодержавную конституцию, приближающую Россию к абсолютной монархии в большей степени, чем к конституционной [10, с. 394]. П.Е. Казанский исходил из некорректности употребления термина «конституция», поскольку по Основным законам нет ограничения власти монарха: самодержавие и ограниченность – явления между собой непримиримые, утверждал он [11, с. 486].

После февральской революции дальнейшее исследование природы русской монархии по Основным законам прекратилось, хотя сами Законы формально не были отменены. Вопрос же о форме правления в России оставался открытым ввиду установления в стране двоевластия. Временное правительство должно было согласно Декларации от 3 марта 1917 г. приступить к немедленной подготовке к созыву Учредительного собрания, которое в свою очередь должно установить форму правления и конституцию страны. Но Учредительному собранию не было суждено появиться. Однако согласно постановлению от 1 сентября 1917 г. Временное правительство объявило в России республиканский государственный порядок и, следовательно, республиканскую форму правления.

При анализе форм правления государства неизменно встает вопрос о том, какая из них является лучшей, предпочтительной, целесообразной. Традиционно считается, что правление большинства вызывает у населения доверие, а потому является предпочтительным и представляет собой более прогрессивную форму правления. Однако еще Ж.-Ж. Руссо в своем знаменитом труде «Об общественном договоре» писал: «Если брать этот термин в точном его значении, то никогда не существовала подлинная демократия и никогда таковой не будет. Противно естественному порядку вещей, чтобы большее число управляло, а меньшее было управляемым. Нельзя себе представить, чтобы народ все свое время проводил в собраниях, занимаясь общественными делами» [12, с. 255].

Таким образом, дореволюционные исследователи формы правления считали, что **непосредственная демократия невозможна**, так как каждый представитель избирается не всем народом, а лишь частью населения. Кроме того, парламентское большинство не обязательно является выразителем интересов большинства общества. Следовательно, считать народ субъектом верховной власти, утверждал В.В. Ивановский, нет ни одного реального основания [10, с. 31-32].

Известный исследователь монархической формы правления Л.А. Тихомиров в свое время высказал гениальную догадку о том, что основание власти кроется в феномене **подчинения**, которое свойственно психологии человека. При этом речь идет не о простом подчинении чему бы то ни было, а определенным **идеалам**. От выбора идеала зависит власть, установившаяся в обществе. Однако и власть, и подчинение не являются непременным результатом насилия, подавления, принуждения, а выражают идеал, который вызывает «наше преклонение и подчинение ему, ибо идеалом нельзя владеть, а ему можно только подчиняться как высшему нас началу» [4, с. 14-15].

Современные отечественные политученцы считают, что ученый применил к категории подчинения **качественную характеристику**, и эта гениальная догадка никому до него не приходила в голову. В зависимости от идеала Л.А. Тихомиров выделял три формы (образа) правления: 1) доверие людей силе количественной, что обуславливает всенародную власть – демократию; 2) доверие силе качественной, или авторитету, разумной силе, что порождает власть некоторого меньшинства – аристократию; 3) доверие силе нравственного закона, что вызывает появление государства в форме монархии. Отсюда следовал вывод, что выбор нацией «принципа верховной власти зависит от **ее нравственно-психологического состояния**» [4, с. 53].

Данный критерий впоследствии был развит другим русским дореволюционным ученым И.А. Ильиным, который в своем учении о правосознании проводил мысль о том, что выбор формы правления тем или иным народом зависит от его правосознания.

Современная наука теории государства и права относит подчинение к свойству власти в то время, как Л.А. Тихомиров считал его свойством человеческой психологии. Именно в идеале, которому готова подчиняться нация в выборе (поиске) разумного порядка и соответствующей ему власти, видел ученый главное основание для классификации форм правления. Он также полагал, что в разные периоды своего исторического развития нация может выбирать и подчиняться разным

верховным принципам. Поэтому смену форм верховной власти следует рассматривать в качестве результата эволюции национальной жизни, а не как эволюцию самой власти. Отсюда следовал вывод, что формы правления ни в каком эволюционном состоянии не находятся, и никакой принцип верховной власти не может быть в этом отношении назван ни первым, ни последним [4, с. 58-59].

Есть нации, как отмечал Л.А. Тихомиров, которые, пройдя полный цикл развития до окончательной смерти, знали только одну форму верховной власти, например, Византия – она всегда была монархией, или Венеция – всегда была аристократией. Он также считал важным выяснить, почему одна нация в разные времена может иметь в качестве верховного разные принципы.

Надо отметить, что Л.А. Тихомиров (подобно Ж. Бодену) проводил различия между суверенитетом и управлением, между верховной и управительной (то есть исполнительной) властью. Современное ему конституционное право, как он полагал, забывая эту градацию, приписывает верховной власти то, что свойственно второй. Отсюда в XIX веке утвердилась научно ложная, а практически вредная доктрина о распространении на верховную власть разделения властей, что присуще власти управительной, то есть правительственной, которая призвана создавать практические условия времени и места и, следовательно, всегда представляет собой сочетание различных принципов, основана на специализации, порождая так называемое разделение властей, писал он. Таким образом, принцип разделения властей он считал возможным применять **только к управленческой власти**, которой присуще разделение труда, а не к власти верховной. Последняя ограничена исключительно своим идеократическим содержанием. Выходя за эти пределы, она становится незаконной, узурпаторской [4, с. 38].

Л.А. Тихомиров не признавал в классификации форм правления конституционной монархии, где верховная власть, по его мнению, расплывлена между монархом и представительными учреждениями, которые делают верховную власть им подвластной. Он выделял три вида монархии: деспотическую, абсолютную и самодержавную. Последнюю он оценивал как «чистую», «истинную», а первые две как искаженные, неправильные формы монархии.

По мнению многих учеников и исследователей творчества Л.А. Тихомирова, он вывел на уровень научно-исследуемого факта человеческой истории **самобытность русского самодержавия**. После него все исследователи в рассуждениях о судьбах русской государственности

не могли уже обойтись без пройденного Л.А. Тихомировым пути. **Главная закономерность**, которую он сформулировал, состояла в том, что монархия возникает там, где народ готов подчиниться силе **нравственного закона**.

Идею нравственно-психологического состояния нации развил И.А. Ильин в своем учении о правосознании и принял за основание классификации форм правления. Именно форма правления, устройства верховной власти была одной из главных тем, которой И.А. Ильин занимался всю жизнь. И хотя один из основных его трудов «О монархии и республике» считается незаконченным, тем не менее, исследователи его творчества полагают, что главный замысел книги был реализован ее автором.

По мысли И.А. Ильина, критерием разграничения форм правления, а также объяснение, почему у разных народов устанавливается та или иная форма правления, является **правосознание народа**. В отличие от современной трактовки понятия правосознания, которое раскрывается через отношение к праву, И.А. Ильин характеризовал его как «естественное чувство права и правоты, особого рода инстинктивное **правочувствие**, в котором человек утверждает собственную духовность и признает духовность других людей [13, с. 18; 14, с. 70]. Отводя правосознанию ключевую, решающую роль в жизнеспособности государства и права, ученый устанавливал различие между монархической и республиканской формами правления, исходя из этого критерия. Он также считал, что всякая государственная форма есть, прежде всего, порождение правосознания народа: монархическое правосознание служит основанием и поддерживает существование монархии, а республиканское – республики. На переходных этапах жизни нации формируется аналогичное состояние правосознания, когда оно уже не способно к традиционной монархии, но еще не созрело для республиканской формы. К основным недостаткам республики И.А. Ильин относил отрицание вечных ценностей, в том числе религиозно-созерцающей воли. Взгляд И.А. Ильина на роль религии в формировании здорового правосознания основывался на знаменитой формуле Ф.М. Достоевского: «Если Бога нет, то все позволено». Таким образом, республиканскому правосознанию свойственно секуляризованное восприятие многих явлений, отсюда отрицание правильности и возможности внутреннего подхода к политике и государству.

В то же время И.А. Ильин видел в республиканском правосознании и положительные качества, например, чувство свободы, следовательно,

надо стремиться к тому, чтобы оно не выродилось в личный произвол, в коррупцию, анархию [13, с. 194]. Республиканец, по мысли И.А. Ильина, не приемлет персонификации власти, поэтому главным его возражением будет вопрос: почему именно это лицо воплощает государство и государственную власть; почему не я. Отсюда неприятие мысли о подчинении этой персоне. При этом республиканец забывает, что, живя в государстве, он все равно будет кому-то подчиняться [13, с. 68].

Отмечая свойственное монархическому правосознанию подчинение воли одного человека – монарха, И.А. Ильин писал: один не может поработить множество людей, но он может сосредоточить в своих руках несокрушимую власть, если народ добровольно подчинится ей, если будет смотреть на эту власть не как на гнет, а как на благотворительную силу. Разгадку такого подчинения он видел в нравственно-психологическом состоянии нации: монархическое правосознание способно на такое подчинение, республиканское – нет [13, с. 150].

Обращаясь к взглядам И.Л. Солоневича, отметим, что он не занимался непосредственно разработкой проблем форм правления, но вывел **три способа конструирования** государственной власти: наследование, избрание и захват. Отсюда происходят, как он полагал, три формы правления: монархия, республика и диктатура. Не занимаясь установлением оснований для классификации форм правления, И.Л. Солоневич видел **свою главную задачу** в объяснении русской государственности. А более конкретно: он стремился очистить русскую государственность и русскую монархию от обобщений, выведенных в результате «схоластических упражнений гуманитарной профессуры» на основании всемирно-исторических законов общественного развития. В итоге не оказалось ни индивидуального, ни неповторимого лица русского народа – архитектора и строителя русской государственности. **Государственность оказалась оторванной от народа.** Создается впечатление, писал он, будто «цари, полководцы, патриархи, варяги, немцы, монголы, византийские и европейские влияния, географические и экономические условия, а никак не русский народ в беспримерно трагических внешних условиях построил беспримерную по своей прочности и оригинальности государственную конструкцию» [6, с. 112].

И.Л. Солоневич, как и И.А. Ильин, считал, что формальные признаки монархии («монархии вообще») в понимании русской монархии ничего пояснить не могут. Русский тип монархии – порождение русского национально-политического гения и является наиболее близким приближением к идеальному типу монархии вообще. Поэтому он ис-

ходил из необходимости анализа фактов русской истории, считая, что любая теория, будучи оторвана от национальной истории русского народа, от тщательного учета особенностей русской жизни и психологии, не сможет познать русской монархии. Это не вопрос о форме правления, о конституции, о прогрессе и регрессе, а о самой сущности России, о нашем с вами духовном «я», утверждал он [15].

В этом понимании И.Л. Солоневич близок Л.А. Тихомирову и И.А. Ильину. Он объяснял создание самобытной русской государственности национальным складом русского характера. Ни религиозные, ни географические факторы, по его мнению, не играют такой роли в создании народом своей государственности. Православие исповедуют и другие народы: греки, армяне, румыны, в более благоприятных географических условиях находятся немцы и поляки, но никто из них не создал такой империи, как русские [6, с. 20]. И.Л. Солоневич не отрицал религиозного влияния, но оценивал его как национальную особенность страны. Что касается личности правителей России, то он их влияние характеризовал следующим образом: «Россия творила царей, а не цари Россию». И формулировал следующее заключение: «В течение одиннадцати веков русской истории русская национально-политическая традиция была воплощена в русской монархии. Если бы традиция была неудачна – удачна не всякая традиция, то в данных исторических и географических условиях великая нация вырасти бы не могла» [15].

Важно подчеркнуть, что все анализируемые учения уделяли большое внимание разграничению понятий абсолютной и самодержавной монархии, доказывая, что абсолютистский произвол и самодержавие – не одно и то же. И.А. Ильин понимал под самодержавием форму государственного устройства, а следовательно, разновидность права, а потому писал он: «Все аксиомы права и правосознания действительны и для самодержавия» [13, с. 215]. Все указанные ученые сходились во мнении относительно политической сущности русского народа, который создал свою особую концепцию государственности, которая ставит выше всего, выше юридических отношений **этическое начало**.

Представляет интерес, как эти ученые – свидетели Октябрьской революции 1917 года, объясняли падение монархического строя в России. Как известно, Л.А. Тихомиров не посвятил специального исследования причинам падения монархии в России, но мысли о революции изложил в дневниковых записях, которые опубликованы только частично. В этих записях он, в частности, писал: «Дело идет быстрыми шагами к тому, что преданными Династии останутся только лично за-

интересованные люди, но эти продажные лица, конечно, сделаются первыми изменниками в случае наступления грозного часа».

В труде «Монархическая государственность» за десять лет до крушения монархии он называл два блока факторов, негативно влияющих на будущее русской монархии: 1) кризис национального политического самосознания; 2) бюрократию, выращенную антимонархическим построением, насажденным Петром I и усиленным Александром I. По первому блоку Л.А. Тихомиров утверждал, что без осознания идеи монархии нация не сможет сохранить эту форму правления. По второму блоку ученый исходил из того, что со времен Петра I происходило страшное разобщение верховной власти и народа [4, с. 333, 338, 349, 362]. Эта отрезанность проявлялась в упразднении Земских соборов, роль которых высоко оценивал И.Л. Солоневич, называя их «классической формой русского народного представительства» [15]. Именно бюрократия в течение 40 лет «успела вырыть такую яму между царем и народом, какой никогда не было за все предыдущие 1000 лет существования России» [4, с. 350].

По мнению И.Л. Солоневича, истоки революции 1917 года надо искать, начиная с патриарха Никона, сделавшего первую инъекцию иностранной схоластики в русскую жизнь, а его поддержал правящий слой, жаждавший привилегий по шляхетскому образцу. Сюда же он относил «распутинскую легенду 1914–1917 гг.». Позднее, уже в эмиграции И.Л. Солоневич писал, что «советская революция есть логическое завершение и логический результат полной оторванности «верхов» от «низов», интеллигенции от народа, разума от инстинкта, теорий от интересов: «Мы, эмиграция, являемся и виновником, и результатом, и жертвой этой конструкции» [6, с. 172]. Именно эта пропасть между интеллигенцией и народом обрекла на провал, по убеждению И.Л. Солоневича, и белые армии: «Ленин и Троцкий понимали смысл и стратегию гражданской войны безмерно яснее, чем понимали ее Колчак и Деникин» [6, с. 32].

Л.А. Тихомиров обвинял дореволюционную науку русского государственного права в том, что она особенно мало сделала для развития монархического сознания общества и указания путей для монархической политики [4, с. 299]. И.А. Ильин же считал, что искать виноватых в этой исторической катастрофе глупо, так как «все виноваты по своему и на своем месте» [16, с. 22].

Надо отметить, что и И.Л. Солоневич, и И.А. Ильин высказывали прогнозы о непременном крушении коммунистического режима, по-

этому их мысли были обращены к тому народу, который останется на развалинах СССР и которому придется начать новое государственное строительство. При этом они исходили из того, что русскому народу присуще чувство порядка, устойчивости, державности. «Необходимо раз и навсегда понять и убедиться, – писал И.А. Ильин, – что общественная жизнь невозможна вне порядка, то есть вне устойчивой правовой организации; что разрушить эту организацию легко, а создать очень трудно. Тяготение к порядку и организации подсказывается народу чувством самосохранения, ибо можно с уверенностью сказать, что народ, оказавшийся без организованного порядка, или создаст его, или погибнет» [16, с. 22].

Список литературы

1. *Ильин И.А.* О государственной форме // Ильин И.А. Сочинения. М.: Эксмо, 2006. 912 с.
2. *Коркунов Н.М.* Русское государственное право. Т. 1. Изд. 8-е. Спб., 1914. 633 с.
3. *Лазаревский Н.И.* Лекции по русскому государственному праву. Изд. 2-е. Спб., 1910. Т. 1. 479 с.
4. *Тихомиров Л.А.* Монархическая государственность. М.: Айрис-прис, 2006. 624 с.
5. *Захаров Н.А.* Система русской государственной власти. М., 2002. 400 с.
6. *Солоневич И.Л.* Народная монархия. М., 2005. 470 с.
7. Конституционализм: исторический путь России к либеральной демократии: сборник документов / сост. А.В. Гоголевский, Б.Н. Ковалев. М.: Гардарики, 2000. 617 с.
8. *Гессен В.П.* Русское государственное право. Курс лекций. Спб., 1909. 335 с.
9. *Алексеев А.С.* Манифест 17 октября 1905 г. и политическое движение, его вызвавшее. М., 1915. 26 с.
10. *Ивановский В.В.* Учебник государственного права. Казань, 1908. 511 с.
11. *Казанский П.Е.* Власть Всероссийского Императора. М., 1999. 512 с.
12. *Руссо Ж.-Ж.* Об общественном договоре: Трактаты. М., 1998. 416 с.
13. *Ильин И.А.* О монархии и республике. Нью-Йорк, 1979. 329 с.
14. *Ильин И.А.* О сущности правосознания. Мюнхен, 1956. 228 с.
15. *Солоневич И.Л.* Миф о Николае Втором // Наша страна. 1949. (Март–июнь).
16. *Ильин И.А.* Национальная Россия: наши задачи / под ред. О.А. Платонова. М., 2007. 464 с.

Поступила в редакцию 12.08.2019 г.

Поступила после рецензирования 05.09.2019 г.

Принята к публикации 03.10.2019 г.

Информация об авторе

Морозова Людмила Александровна – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории права, государства и судебной власти. Российский государственный университет правосудия, г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1732-0161>, e-mail: tgp@rsuj.ru

Для цитирования

Морозова Л.А. Форма правления в трактовке русских дореволюционных юристов // Актуальные проблемы государства и права. 2019. Т. 3. № 11. С. 281-295. DOI 10.20310/2587-9340-2019-3-11-281-295

DOI 10.20310/2587-9340-2019-3-11-281-295

FORM OF GOVERNMENT IN THE INTERPRETATION OF RUSSIAN PRE-REVOLUTIONARY LAWYERS

L.A. Morozova

The Russian State University of Justice

69 Novocheremushkinskaya St., Moscow 117418, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1732-0161>, e-mail: tgp@rsuj.ru

Abstract. We consider the views of Russian scientists (I.A. Ilin, N.M. Korkunov, N.I. Lazarevskiy, I.L. Solonevich, L.A. Tikhomirov) regarding the form of government in Russia in the late 19th – early 20th century and the prospects for its development. The author states the merits of pre-revolutionary lawyers in creating a classification of government forms and in substantiating the features of the distinction between monarchical and republican forms of government, which modern theorists have not been able to fully implement. In pre-revolutionary jurisprudence there was no unity of opinion about the form of government established in Russia after the Manifesto of October 17, 1905. The researchers divided into two groups: one of them was made by scientists who considered the state system “the original Russian state order”, but only updated. According to another group, Russia has become a constitutional monarchy. I.L. Solonevich and I.A. Ilin made predictions about the inevitable collapse of the communist regime, so their thoughts were turned to the people who will remain on the ruins of the USSR and who will have to start a new state construction. At the same time, they proceeded from the fact that the Russian people have a sense of order, stability and great powerness. It is emphasized that all the analyzed scientists’ points of view paid great attention to the distinction between the concepts of absolute and autocratic monarchy, proving that absolutist arbitrariness and autocracy are not the same.

Keywords: form of government; monarchy; republic; nationhood; Russian autocracy; state structure

References

1. Ilin I.A. O gosudarstvennoy forme [About the State Form]. In: Ilin I.A. *Sochineniya* [Writings]. Moscow, Eksmo Publ., 2006, 912 p. (In Russian).
2. Korkunov N.M. *Russkoye gosudarstvennoye pravo* [Russian State Law]. St. Petersburg, 1914, vol. 1, 633 p. (In Russian).

3. Lazarevskiy N.I. *Lektsii po russkomu gosudarstvennomu pravu* [Lectures on Russian State Law]. St. Petersburg, 1910, vol. 1, 479 p. (In Russian).
4. Tikhomirov L.A. *Monarkhicheskaya gosudarstvennost'* [Monarchical Nationhood]. Moscow, Ayris-pris Publ., 2006, 624 p. (In Russian).
5. Zakharov N.A. *Sistema russkoy gosudarstvennoy vlasti* [The System of Russian State Power]. Moscow, 2002, 400 p. (In Russian).
6. Solonevich I.L. *Narodnaya monarkhiya* [The People's Monarchy]. Moscow, 2005, 470 p. (In Russian).
7. Gogolevskiy A.V., Kovalev B.N. (compilers). *Konstitutsionalizm: istoricheskiy put' Rossii k liberal'noy demokratii: sbornik dokumentov* [Constitutionalism: Russia's Historical Path to Liberal Democracy: a Collection of Documents]. Moscow, Gardariki Publ., 2000, 617 p. (In Russian).
8. Gessen V.P. *Russkoye gosudarstvennoye pravo. Kurs lektsiy* [Russian State Law. Course of Lectures]. St. Petersburg, 1909, 335 p. (In Russian).
9. Alekseyev A.S. *Manifest 17 oktyabrya 1905 g. i politicheskoye dvizheniye, ego vyzvavsheye* [Manifesto of October 17, 1905 and the Political Movement that Caused it]. Moscow, 1915, 26 p. (In Russian).
10. Ivanovskiy V.V. *Uchebnik gosudarstvennogo prava* [State Law Textbook]. Kazan, 1908, 511 p. (In Russian).
11. Kazanskiy P.E. *Vlast' Vserossiyskogo Imperatora* [The Power of the All-Russian Emperor]. Moscow, 1999, 512 p. (In Russian).
12. Rousseau J.-J. *Ob obshchestvennom dogovore: Traktaty* [On the Social Contract: Miscellany]. Moscow, 1998, 416 p. (In Russian).
13. Ilin I.A. *O monarkhii i respublike* [On the Monarchy and the Republic]. New York, 1979, 329 p. (In Russian).
14. Ilin I.A. *O sushchnosti pravosoznaniya* [On the Essence of Justice]. Munich, 1956, 228 p. (In Russian).
15. Solonevich I.L. Mif o Nikolaye Vtorom [The myth of Nicholas II]. *Nasha strana* [Our Country], 1949, (March – June). (In Russian).
16. Ilin I.A. *Natsional'naya Rossiya: nashi zadachi* [National Russia: Our Tasks]. Moscow, 2007, 464 p. (In Russian).

Received 12 August 2019

Reviewed 5 September 2019

Accepted for press 3 October 2019

Information about the author

Morozova Lyudmila Alexandrovna – Doctor of Jurisprudence, Professor, Professor of Theory of Law, State and Judicial Power Department. The Russian State University of Justice, Moscow, Russian Federation.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1732-0161>, e-mail: tgp@rsuj.ru

For citation

Morozova L.A. Forma pravleniya v traktovke russkikh dorevolutsionnykh yuristov [Form of government in the interpretation of Russian pre-revolutionary lawyers]. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava – Current Issues of the State and Law*, 2019, vol. 3, no. 11, pp. 281-295. DOI 10.20310/2587-9340-2019-3-11-281-295 (In Russian, Abstr. in Engl.)